

Посвящаю Венделину Мангольд

у Тюхе рука Немезиды. у них одно колесо на двоих. Менаандр приглашал меня в Мегары, там статуя Тихеи, сам Пракситель изваял её. мы, двое крепких мужчин, быстро спрятались за храм, когда к статуе подошли две женщины: плеть свисала с пояса одной, в руке её была яблонева ветвь, серебро её короны играло в мышцах венчающих её голову оленей. «Немезида!» – прошептал Менаандр, он задыхался от восхищения. «мой дядя Алексайос! как она прекрасна». эта женщина действительно была очень красива – розово-золотые кудри, изумительного рисунка тело в прозрачном красном шёлке. но я смотрел на Тюхе, она подбрасывала на ладони стеклянный шар, у ног её лежал юноша, он будто плыл, раскинув руки, я что-то его уже видел, по-моему, в Антиохии. неожиданно для себя я вышел из укрытия и громко окликнул его: «Оронт!» он опустил лицо, прижался телом к земле. но Тюхе посмотрела на меня. с пяти шагов я видел её выпуклые и чуть подрагивающие ноздри молодой самки, она была похожа на Артемиду, вернее на те представления об Артемиде, которые у меня были. Тюхе бросила на землю рог изобилия и колесо и пошла мне навстречу, подбрасывая на ладони свой прозрачный шар. я ощущал спиной, как дротик Менаандр, вжавшись в камень храма. Тихея встала вровень со мной, глаза в глаза, я стоял не шелохнувшись и молчал, да и говорить было бесполезно, ведь я не знаю языка бессмертных. она была моего роста, глаза водно-зелёные, карие у зрачков, мраморный лоб, увенчанный крепостными стенами города. я хотел поцеловать её, но вдруг все пятеро встали вокруг нас –

Немезида, Менаандр, Оронт, статуя Тихеи и Пракситель. «он-то откуда взялся», — с досадой подумал я, но Тюхе была ещё рядом, между нами вниз прыгал её шар. Немезида взяла её за руку, как девочку, Немезида би ритуальной плетью по земле, удары плети совпадали с прыжками шара. медленно уходили, был день летнего солнцестояния, в такие дни боги пожирают царей и жрецов. я оглянулся кругом — ни Праксителя, ни Менаандра, Оронт лежит на земле лицом вниз, и лишь статуя Тихеи смотрит мне в лицо глазами из-под выпуклых век.

я кусаю губы

верхняя — караганда

нижняя — москва

на нижней кровеносное деревце метро

на верхней кровные сёстры и братья

города соединяются на долю секунды

когда я произношу слово люблю

москва —

яйцо

внутри которого

сухая глина и капля воды

мои глиняные губы

не хотят пить

вместе с другими
я дую на воду
на берегу уставшей мутной слезы

знаю ли я боль

когда я вспоминаю тебя
тысячи балерин под моей кожей резко встают на пуанты
в былых точках прикосновений твоих пальцев

много раз
я видела
их гладкие причёски

Дантов город, что создан из моего ребра,
из моих молочных желёз, из моих кишок,
дышит прямо в лицо, он болен, он зол с утра,
у него закончился угольный порошок,
он готов забрать мои чувства, знамения, сны
и взамен ничего, ничегошеньки не отдать,
он кричит — тебе не дожить до весны, до луны,
он молчит, головою качает то «нет», то «да».

Я внимаю, я каждого слова слюну ловлю,
тру пощёчины мартовским настом (весна пришла),
я люблю его очень, я очень его люблю,
мы любовники, если родственна пеплу зола,
мы родители, только дети покинули нас,
прижимаюсь губами к его ледяным губам,
как невкусен, как чёрен карагандинский наст,
как горька его корка, безрадостна и груба.

Мы с ним в чреве носили друг друга. Кто святей?
Он единственный знак, что мир бывает благой.
Уголино оправдан — не ел он своих детей,
своих внуков и даже своих и чужих врагов.

Жалкий торговец снежками, брошенными в меня,
мокрыми варешками, цыпками на руках,
носишь женское имя, да и его променял,
просишь оставить в покое, только не знаешь как,
бьёшь под дых, упаду, и даже руки не подашь,
ранишь в живот, а потом заставляешь воды испить...
Я влюблена в тебя, бережный мальчик Караганда,
только поэтому я у тебя на цепи.

Смотришь, жива ли, гадаешь на языках костров,
выдержу или уеду, издохну или вспорхну,
ты, как любой возлюбленный, — милый сердцу острог,
крепость, в которой крысы, замок вечных минут,
что тебе скажут зёрна, травы, остатки льда —
снова ударить с размаху или бросить в степи...
Я влюблена в тебя, трепетный мальчик Караганда,
ты меня несколько лет ещё потерпи.

Веки закрою — видится белопенный лес,
тролли снуют по лагерю, вскинулись знамена...
Людям тепло и спокойно в карагандинской земле,
стоило здесь родиться, чтобы это узнать.

Я ли под брюхом овцы утекаю, город-слепец?
Маковки храмов твоих мне пятки жгут.
Спорим, во мне тебя больше, чем в шири твоих степей.
Ты никогда мне не лгал, а я тебе мшу и лгу.

С неба прольётся кислое молоко. А город лежит!
Утренний творог вынут из шахт. Он бел.
Варвары тащат вазы, монеты, копья, ножи.
Я захватила с собою свою колыбель.

Ангелы голы. Лица их, словно во мгле.
Но и таких мне в дорогу никто не даст.
Ты никого не жалеи! Никогда не жалеи!
Только арфу свою, захлебнувшись, Караганда.

Пусть верещит под руками живое овечьё руно.
Город шарит по шерсти, он оголодал.
Я вдыхаю овечий дух, и мне всё равно —
Мои предки в теплушках когда-то попали сюда.

Содрогаясь от страха (надо мной великан),
Превращаюсь в зародыш, надеясь родиться не здесь,
А сама понимаю, что ушла с молотка
За хорошие деньги, но сохранила честь.

Время — потомственный плотник, мастер лодочных дел.
Рубит, снимает лишку... «Не плотников ли Он сын?»
Тешет из сердцевины, из самого сердца людей.
Шьёт осторожные лодки, суда нездешней красы.

Люди кричат и стонут, лодками быть не хотят.
Люди не понимают, о чём говорят топоры.
Им не к лицу деревянный и просмолённый наряд,
Но под килем снуют уже спины блестящих рыб.

Люди голову прячут — Господи, не меня!
«Больно!» кричат и плачут, но не уходят ко дну.
Время ведёт обтёску от вершины к корням —
Рыбьими тушками лодок легче в вечность нырнуть.

Лодочки — загляденье! Их принимает река.
Новых брёвен и досок времени хватит сполна.
...А мужская рука его, словно воздух, легка,
Если ему подвластны жаворонок и весна.